

Случайно встретив Викторию Островскую на улице, вы вряд ли узнаете в ней актрису, более 30 лет назад сыгравшую роль стамбульской проститутки в картине Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука» и запомнившуюся зрителю в связи с загадочной фразой «цигель-цигель, ай-лю-лю». После этого она снялась еще в одном эпизоде, сменила несколько работ, так и не найдя своего места под солнцем ни в театре, ни в кино, развелась с тремя мужьями... Похудела в два раза.

проститутка
из «Бриллиантовой руки»
ВИКТОРИЯ ОСТРОВСКАЯ:

Я хотела покончить с собой...

«По сравнению с мамой я — полное г...»

Она назначила встречу в парке Сокольники, где в Центре кинезитерапии ведет гимнастику для людей, страдающих болью в спине. Хорошо, мы не взяли спортивную форму — экзекуций над собой нам было бы не избежать.

Островская в свои неполных 62 года не только гнулась в мыслимых и немыслимых направлениях, но и улыбалась во весь рот, подходила к неумехам и помогала им сгибать руки-ноги-туловище, приправляя все это отборными выражениями.

Несколько лет назад актриса пришла в этот центр со своей бедой. Всегда оптимистка, предпочитающая на все вопросы отвечать «о'кей», она неожиданно свалилась с позвоночной грыжей. Лечь на операцию не позволила совесть — не на кого было оставить собак, подобранных на улице.

Совесть все годы была главным козырем Островской. Это только на первый взгляд она раз-

вязная, нахальная, матерщинница и вертикалка. Будь пенсионерка Виктория Григорьевна на самом деле таковой, она не работала бы сейчас в трех местах, чтобы выжить. «Бриллиантовая рука» могла стать для нее хорошим стартом в кинокарьере — фамилия режиссера, успех комедии только способствовали бы тому.

После фильма Гайдая все должно было пойти иначе. Не пошло... Вторую картину с участием Островской скорее всего мало кто помнит.

— В продолжении «Карнавальная ночь» — фильме «Старый знакомый» — Огурцов по ошибке заходит в чужой номер, где баба в это время моется под душем. Той бабой была я...

Она не любит ныть, вздыхать: «Такая уж у меня судьба», никого не винит в том, что не состоялась как актриса.

Отец Вики был репрессирован. Ее воспитывал отчим, до войны бывший директором Киевского цирка, затем директором Театра имени Ивана Франко. Красавица мама, высокая, статная, получила профессию инженера-строителя, но тоже всегда стремилась к искусству. В 30-е годы танцевала.

— Я, конечно, полное г... по сравнению с ней, — говорит Виктория Григорьевна. — Она женствен-

ная, с великолепной фигурой!

Островская грех жаловаться — и она была стройной. Родители отдали ее в хореографическое училище. Но вскоре с Викой случилась беда. Катаясь на перилах, упала со второго этажа и перевернулась. Ударилась головой. Три дня молчала, потом ее стало рвать. Врачи поставили диагноз сотрясение мозга. Тогда девочка еще не знала, что эта болезнь не проходит бесследно. Закончив школу, поступила в Киевский театральный институт.

За пять лет учебы Островская успела многое. Сначала ее исключили из комсомола и из вуза.

— Был у нас один м...к, секретарь комсомольской организации. Такой жлоб! Говорил: «У нее декольте до задницы, колеса в ушах, ресницы накрашенные... Да у нее и мати така!» Я как услышала, бросилась на него, мат-перемат, вцепилась, как кошка, и давай душить, разодрала ему всю рожу... «Комсомольцы» не унимались: «Вот в це она вся. Хулиганка. Гнать ее из института!»

После этого Вика отправили «проникаться идеологией рабочего класса». Да не куда-нибудь — в Москву, на керамический завод. В то время она уже успела выскочить замуж за москвича, но так как оба были студентами, жили врозь. А тут судьба благоволила к ним.

— На заводе я работала слесарем. Каждый день перлась электричкой до Бескудниково. Тогда это была глубокая ж... С первым своим суженым Игорем Ульяновичем Островская познакомилась на отдыхе в Одессе. Мальчишка влюбился без памяти! Вскоре приехал в Киев на практику и тут же сделал Вике предложение.

Восстановили Вика и в институте, и в комсомоле. Отработав год на заводе, Островская вернулась в Киев. Муж остался в Москве. Наверное, тогда она повела себя легкомысленно. Или просто не смогла пережить разлуку. А может, не очень-то и любила своего Игоря? Спустя три или четыре года после свадьбы Вика познакомилась с Романом Райгородским.

— Подружки привели его ко мне на день рождения... Весь из себя такой хемингуэвий! неординарный!.. Приятель Виктор Некрасов очень ценил его талант — Рома был способный. Писатель. С хорошим стилем. По его сценарию даже снят фильм «Путина». Само-

родок, внешность выразительная, курил трубку... Спортсмен, боксер. Был похож на молодого Жженова. Все мои девки были в него влюблены. Но он сразу клянул на меня, и пошло-поехало...

Обманывать мужа Вика не могла. Написала письмо: мол, встретила другого, прости.

Если муж бил, запускала ему в лицо тарелкой

После окончания института Вика по распределению отправили в Сызрань, в местный театр, выделили комнатку в общежитии. Кошмар, ужас, актеры нищие, рассказывала Виктория Григорьевна. Воды не было, пищу готовили на керогазах. Воду для чая брали из батареи. А куда было деваться?

— В эту засрань-Сызрань я взяла и Ромку. Сначала работал в газете, потом пригласили на телестудию. Но он так ревновал меня, мы с ним так бились! Дурак! Репу клинело... Я молодая любила подмазаться. Он смотрит и говорит: «Ну что, намалевалась?» Подходил, слонявил пальцы и проводил ими сверху вниз по накрашенным глазам. А со мной нельзя было так. Пойдем, бывало, в ресторан — я хорошенькая, игривая, красавицей никогда не считала себя, но была любезной, приветливой. Сидят ребята за соседним столиком, поднимают рюмки за мое здоровье — улыбаюсь им...

Заканчивалось это часто трагично. Не дай бог Роману что-то не понравилось или он увидел то, чего не было... Ни за что ни про что мог ударить жену. Она в ответ запускала ему в лицо тарелкой. Стычки происходили между супругами постоянно. Однажды, не выдержав издевательств, Вика удрала от мужа в Киев. Он приезжал, говорил, что любит, но жена ему уже не верила. А потом и вовсе уехала работать в театр Днепропетровска. К тому времени она была беременной и в таком виде выходила на сцену. Играть десятиклассницу. Надо было как-то жить.

Рожала 23-летняя Островская в Киеве. Потом собрала вещи и полетела... к мужу. Любовь зла... — С двухмесячным ребенком опоздала на самолет, чуть не умерла... Дану, не хочу о страшном рассказывать...

Роман уже работал на телевидении в Петропавловске-Камчатском. Вика надеялась, что, увидев ребенка, он изменится, бросит свои садистские замашки и заживет они счастливо... Но скандалы были страшнее прежних. И теперь от них страдала не только жена, но и грудной сын. Дождавшись лета, Островская снова собрала свой нехитрый скарб и, сказав мужу, что хочет немного отдохнуть у матери, улетела. История повторилась. Роман

С СОБОЙ...

1968 г. «Гайдаю такая жопастая и нужна была» (кадр из фильма)

снова и снова просил супругу вернуться, писал нежные письма. Вика взяла себя в руки и... рассталась с ним навсегда. Принять это решение ей было очень непросто — сидеть в декрете она себе позволить не могла, пришлось вернуться в днепропетровский театр. Детство сына прошло за кулисами.

Тот период жизни Виктории был очень сложным. Мучений и мьтарств ей выпало — хватил на троих. В театре получала копейки, голодала. Буфетчица жалела ее: «Ладно, Вика, отдам тебе постель, за ней самой нужен был уход. В это же время при смерти лежала бабушка Вики. Проблемы сваливались на женщину одна за другой.

— Но у меня, наверное, с детства была болезнь — «жизнерадостный рахит». Только за счет оптимизма и выжила.

Вскоре мама Вики переехала в Москву. Дочка частенько навещала ее и в один из приездов познакомилась со своим третьим мужем. Увы, семейное счастье и на этот раз было недолгим. Муж поскользнулся в подъезде, ударившись головой об обледенелую ступеньку. Спасти не удалось... Да и с работой ничего не получалось. Первое время Виктория Григорьевна еще ходила по разным театрам, предлагая свои услуги.

— Но кто возьмет в московский театр провинциальную девку? За ж... потрогают и все. Каждый раз все кончалось или мордобоем, или «этим»... Предлагали роли, пожалуйста... через постель. Я ж не дура. Решила: лучше улицы буду подметать. А тут один приятель предложил работу на автобазе.

Плюнув на амбиции, пошла диспетчером. Денег — больше, чем в театре. Вставать, правда, нужно было в пять утра...

— Когда первый раз пришла, водили пили квас. Морды у всех красные, с похмелья. Увидели: идет такая «фря», тут же прекратили матюкаться. А потом каждый раз, когда я появлялась, говорили: «Тс-с! О п... де ни слова!» Называли меня Мадлен, очень хорошо относились.

«Бойцовский» характер Островской, однако, и здесь мешал ей работать спокойно. Однажды ее чуть не уволили за грубость.

Накануне вечером маме стало очень плохо, Вика вызвала «скорую», а утром с работы решила позвонить, чтобы узнать, как она себя чувствует. Набрала номер: «Мама, как ты?», в ответ слышит: «Ничего, Вика, не волнуйся». В этот момент кто-то снимает параллельную трубку: «Так, быстро положи трубку». Это был некий начальник СМУ Мишуев. Стараясь не грубить, Островская парировала: «Я же разговариваю». После недолгих прере-

Вика еще уверена, что не только в жизни все будет ОК, но и в актерской карьере

фото на полосу Алексея Петрова и из архива В. Островской

каний мужик выругался: «Вот б...!»

Мама все слышала и, зная характер дочери, попросила ее ничего не предпринимать. Но Вика уже завелась. Вылетела из кабинета с выпученными глазами и давай кричать: «Это кто тут такой Мишуев-Мишуев-Залупуев? Убью скотину, на фашистские знаки порву-порублю!»

Слышавшие монолог водители просили ее потом записать слова, спрашивали, где сидела.

— А я просто способная очень была. В Киеве на Бессарабке росла, в блатном районе. С фиксой ходила, когда было модно, потом училась плевать сквозь зубы, соревнуясь с ребятами, кто дальше... Когда сказали, что меня увольняют за грубость, повернулась, задрала перед начальником юбку и говорю: «Щас, ты меня сперва поцелуешь сюда». Собрала шмотки и ушла.

Мужики тут же объявили забастовку: где наша Викуля? Грозилась «пасть порвать» тому, кто посмел обидеть любимицу. Через три дня начальник позвонил ей домой. Просил прощения. Еще через несколько дней то же заставили сделать злополучного Мишуева.

Еще немного, и попала бы в психушку

Как раз в то время Гайдай начал снимать «Бриллиантовую руку» и искал «проститутку». Ассистент режиссера подошла к Вике на улице: «Девушка, вы случайно не актриса?» Актриса, ответила она, временно работающая на автобазе. Леонид Иович утвердил ее сразу.

— Ему такая жопастая и нужна была, — говорит Островская.

Почти сразу же Виктория снялась в «Старом знакомом» и, надеясь, что наступил наконец и на ее улице праздник, уволилась с автобазы. Не для того она училась в театральном, чтобы прозябать там. Мужики просили: «Ой, Вика, Вика, не уходи!», но ей и восьми месяцев хватило...

У актрисы как будто крылья выросли: пусть в 30 лет начала сниматься, зато у мэтра. И будь у нее муж или хотя бы какие-то накопления, Островская, возможно, дождалась бы настоящих ролей. Но помогать ей было некому.

— Хахалей было много, а хотелось быть независимой. Посидела немного и пошла устраиваться в Ленинку, в сектор искусств. Вот уже 30 лет там. Потом предлагали сниматься, но я ведь не могла сидеть на ж... и ждать, когда позовут. Надо было ребенка кормить.

Делать это на зарплату в 80 рублей было, мягко говоря, сложно. Актриса убиралась в квартирах «теток, у которых ж... большая и им лень нагнуться» и уже с трудом сдерживала эмоции. Всегда «все хорошо», вечно как сжатая пружина.

— И вдруг — срыв. Жуткая депрессия. Накопилось! Материальные мучения, смена профессий, неудача в кино, маленький ребенок, больная мама... От всего этого хотелось покончить с собой. Слезы лились как из ведра. За три недели похудела на 13 килограммов. В конце концов мама не выдержала и вызвала «скорую». Давление было 70 на 50. Врач сказал: нужен невропатолог. А на мне уже лица нет — одни черты. Понимаю, что веду себя неадекватно, хотя не шибанутая, но сделать ничего не могу и от этого еще больше страдаю. Много курила и только «Беломор».

Еще чуть-чуть, и Островскую отправили бы в психушку. Спас приятель: не вздумай, сказал, заколят, а потом будут на тебе диссертацию писать. Выход нашелся в Бехтеревке — ленинградской клинике неврозов и психотерапии. Виктория пролежала там три месяца. Наглоталась транквилизаторов. Потом стала работать с психологами. Из клиники вышла совсем другой.

— Невроз был реактивный, сама бы не справилась. Я, конечно, очень страдала, что не сложилась актерская судьба. Но не жалела. Значит, так было Господу угодно, значит, много грешила. Замуж официально больше не выходила. У меня характер г..., я — г... Всегда выбирала самого несчастного, затрапезного, жалела, вытаскивала. Сделаю все, помогу, надоест, говорю: пошел на хер!

Сейчас, говорит актриса, ей никто не нужен. Во-первых, очень устают на трех работах, во-вторых, половую энергию сублимирует в спортивную. Плюс кошка, собаки, двое внуков... Не до мужей.

Татьяна ПЕТРОВА.